

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00046

А.С. Акимова (Москва)

ПОВЕСТЬ БОРИСА ПАСТЕРНАКА «ДЕТСТВО ЛЮВЕРС» В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Аннотация. Гендерный подход – учет влияния фактора пола, биологического и социального, – давно применяется в исторических и социальных исследованиях, работы последних десятилетий свидетельствуют о его продуктивности при анализе произведений литературы. Повесть Б.Л. Пастернака «Детство Люверс» с его темой полового созревания девочки является центральным произведением в разговоре о гендерной проблематике русской литературы XX в. Как в прижизненной критике, так и в современных исследованиях эта повесть представлена как история развития ребенка, «завязывающейся» души девочки. В статье рассматривается гендерная проблематика повести «Детство Люверс», в которой нашли отражение гендерные стереотипы, связанные с восприятием мужчиной физиологических процессов, протекающих в организме женщины. В повести Пастернака показаны различные способы духовно-теоретического освоения человеком действительности, что в гендеристике называется «гендерной картиной мира» и трактуется как «осознание себя как представителя данного пола, ощущение своего женского или мужского тела, осознание своей принадлежности к полу в социальном контексте», то есть «гендерная идентичность». Пастернак показывает процесс самосознания как «переживание человеком себя как представителя определенного пола», в результате чего дает целостное представление об окружающей действительности. В повести обнаруживаются все «атрибуты гендерной деятельности»: помимо стыда к другим традиционным образам феминности относится постижение Женей смысла слов «мама беременна».

Ключевые слова: гендер; гендерная картина мира; женщина; Б. Пастернак; повесть «Детство Люверс».

A.S. Akimova (Moscow)

The Story of Boris Pasternak “Lover’s Childhood” in the Context of Gender Researches**

Abstract. The gender-based impact analysis (or the gender approach taking into account the influence of biological and social gender) has long been accepted in historical and social research. The studies of recent years reveal the success of the gender approach in the analysis of literature. The story of B.L. Pasternak “Lover’s Childhood” with the main issue of the pubescence of a girl is the principal work in the analysis of

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100).

** The study was carried out in IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-78-10100).

the gender problem in the Russian literature of the 20th century. Both in lifetime criticism and in modern studies the story is probed as a story of the development of a child, the “set” girl’s soul. The article examines the gender problems of the story “Lover’s Childhood” which reflects gender stereotypes associated with a man’s perception of physiological processes in a woman’s body. The story of Pasternak shows various ways of a person’s spiritual and theoretical assimilation of reality, which is called the “gender view of the world” and “awareness of oneself as a representative of a given gender, the feeling of one’s female or male body, awareness of one’s gender in a social context”, i.e. the “gender identity”. Pasternak shows the process of self-awareness as “a person’s experience of himself as a representative of a certain gender”, as a result of which he gives the comprehensive view of the reality. The story reveals all the “attributes of gender activity”: in addition to shame, other traditional images of femininity include Zhenya’s comprehension of the meaning of the words “mother is pregnant”.

Key words: gender; gender view of the world; woman; B. Pasternak; the story “Lover’s Childhood”.

Интерес к гендерным исследованиям пришелся на рубеж 1990–2000-х гг., о чем в статье, посвященной основным понятиям гендеристики, писал И.И. Булычев [Булычев 2005, 1]. В это время происходило оформление понятийного аппарата, уточнение терминологии и формирование проблематики исследований. «Гендер», по определению Л.Н. Ожиговой, одна из базовых характеристик личности, обуславливающих психическое и социальное развитие личности [Ожигова, 2003, 164]. Н.Л. Пушкарева дает определение гендера как «комплексного переплетения отношений и процессов и в то же время фундаментальной составляющей отношений социальных, составляющей, укорененной в культуре, содержащей элементы устойчивости и изменчивости, представляющей одну из основ стратификации общества по признаку пола и в то же время рассматриваемой в неразрывной связи с его биологическими функциями» [Пушкарева 1998, 79]. Таким образом, гендерный подход – учет влияния фактора пола, биологического (sex) и социального (gender). Его применение к историческому анализу было предложено в статье «Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы», предметом которого становится «диалог полов» [Пушкарева 1998, 82]. Однако гендерный подход является продуктивным не только в исторических и социальных исследованиях, но и при анализе произведений литературы, в которых нашли отражение «культурные составляющие пола», то есть «связанные с предписанными обществами гендерными нормами, навязываемыми им стереотипами и путями социализации и идентификации» [Пушкарева 1998, 79].

Исследования творчества Б.Л. Пастернака последнего времени связаны с изучением переводов поэта [Резвый 2017], его биографии и художественного мира [Пастернаковский сборник – III 2020; Пастернак: проблемы биографии и творчества 2020]. Опираясь на исследования предшественников (Л.С. Флейшмана, М. Окутюрье, Ф. Бьёринг, Л. Силард, Л.Л. Горелик), в статье «От повести “Детство Люверс”» до романа “Док-

тор Живаго»» А. Хан писала о воплощении «всеобщей связанности космического масштаба со всем сущим» [Хан 2020, 7] в художественной системе Пастернака и, в частности, в повести «Детство Люверс», продолжая, таким образом, исследования темы «верстака жизни» («Жизнь посвящает очень немногих в то, что она делает с ними. Она слишком любит это дело и за работой разговаривает разве с теми, кто желает ей успеха и любит ее верстак» [Пастернак 2003–2005, III, 37]), предлагая новый взгляд на, пожалуй, одну из самых трогательных повестей Пастернака, одну из самых женственных в русской литературе XX в.

«Детство Люверс» с его темой полового созревания девочки является центральным произведением в разговоре о гендерной проблематике русской литературы XX в. Одним из первых о проблеме пола в повести «Детство Люверс» написал М. Окутюрье [Окутюрье 1998]. Его статья открывалась цитатой из «Охранной грамоты»: «Всякая литература о поле, как и самое слово “пол”, отдают несносной пошлостью, и в этом их назначение» [Пастернак 2003–2005, III, 178], – как доказательство «объективного рассуждения о проблеме сексуальных запретов и их значения с точки зрения вида и его эволюции» [Окутюрье 1998, 71]. Исследователь предпринял попытку показать значимость проблемы пола в процессе становления личности и преодоление Пастернаком традиционных сексуальных барьеров, характерных для его времени, что привело к «углублению в трагическую тайну бытия» [Окутюрье 1998, 72]. «Пол – это как бы средоточие трагической сущности жизни, той борьбы противоположных начал, которая происходит внутри ее», – писал Окутюрье [Окутюрье 1998, 80].

Как в прижизненной критике, так и в современных исследованиях повесть Пастернака «Детство Люверс» рассматривается как история развития ребенка, «завязывающейся» души девочки. М. Кузмин, назвавший ее рассказом о детстве, писал: «Но интерес Пастернака не в детской, пожалуй, психологии, а в огромной волне любви, теплоты, прямодушия и какой-то целомудренной откровенности эмоциональных восприятий автора» [Кузмин 1996, 135]. И К. Локс, и К. Мочульский писали о том, что в повести показано формирование художественного сознания. Современные исследователи также признают, что в заглавии, сюжете и мотивной структуре «Детства Люверс», явлена тема становления личности. В работе Л. Флейшмана рассматривается взросление героини повести. Под взрослением понимается «неоднаправленное движение между непониманием и пониманием», а «Детство Люверс», таким образом, – это «повесть о “феноменологическом” прояснении познаваемого – через заблуждение, через туманное познание, о процессах “приведения к ясности”» [Флейшман 2003, 270]. Е. Фарыно считал, что «Детство Люверс» – повесть об открывшемся в детстве: об интуитивном постижении Женей смысла слов «мама беременна» и своей женственности [Фарыно 1993, 60]. Открытие мира девочкой-подростком как процесс творческого пересоздания мира художником рассматривает в своей монографии Л.Л. Горелик [Горелик 2000]. Андрогинизм (проникновение в сознание андрогина-подростка)

как один из наиболее характерных символистских приемов, по мнению О. Клинга, находит отражение в повести Пастернака [Клинг 2002, 48].

Процесс познания себя в мире и мира в себе показан в повести «Детство Люверс» (1918, опубл. в 1922). Взросление девочки Жени Люверс, ее впечатления организуют повествование и становятся предметом исследования автора. Генетически тема взросления ребенка восходит к работам отца, художника Л.О. Пастернака. Наблюдения над его рисунками нашли отражения в письмах к нему: «Женю ты рисовал так, что она постепенно росла согласно рисункам, следовала в жизни за ними, на них воспиталась больше, чем на чем-нибудь другом» [Пастернак 2003–2005, VIII, 758]. Л.О. Пастернак стремился запечатлеть разные возрастные периоды своих детей, так, в 1914 г. им был написан «Портрет дочерей», а спустя три года – «За книгой. Дочери художника» (1917).

В повести «Детство Люверс» показаны различные способы духовно-теоретического освоения человеком действительности, что в гендеристике называется «гендерной картиной мира» или «гендерной идентичностью», то есть «осознанием себя как представителя данного пола, ощущение своего женского или мужского тела, осознанием своей принадлежности к полу в социальном контексте» [Шабурова 2003, 67].

Повествование открывается словами: «Люверс родилась и выросла в Перми. Как когда-то ее кораблики и куклы, так впоследствии ее воспоминания тонули в мохнатых медвежьих шкурах, которых много было в доме <...> Дареные шкуры были черно-бурые и пышные. Белая медведица в ее детской была похожа на огромную осыпавшуюся хризантему. Это была шкура, заведенная для “Женечкиной комнаты”, – облюбованная, торгованная в магазине и присланная с посылным» [Пастернак 2003–2005, III, 34]. Неосторожное движение кошки разбудило героиню, с него – внезапного пробуждения – автор показывает формирование души маленькой женщины. «История первой девичьей зрелости» [Пастернак 2003–2005, III, 41] связана с медвежьей шкурой. Центральное место в первой части («Долгие дни») занимает история первого кровотечения. Окровавленное место на шкуре, которое девочка хотела скрыть под слоем пудры, гувернантка-француженка, накричав на Женю, выстригла. Уличенная гувернанткой-француженкой в использовании пудры, пристыженная матерью, она не решается рассказать о первом кровотечении и попытке «затереть белым» пятно. Девочку пугает разговор взрослых, она не понимает его. Все наименования в нем табуированы: о Жене гувернантка говорит матери «ваша дочь», о пудренице – «эта вещь». Не от взрослых, а от реки, виднеющейся за окном, исходят поддержка и спасение: «Женя снова глянула на звезды и на Каму. Она решила. Несмотря ни на холод, ни на урывки. И – бросилась. Она, путаясь в словах, непохоже и страшно рассказала матери *про это*» (курсив автора. – Б.П.) [Пастернак 2003–2005, III, 40]. Крик гувернантки, обида и боль в суставах вызывают ощущение собственной греховности в сознании подростка, с одной стороны, и невиновности – с другой: «Томящее и измощающее, внушение это было делом организма,

который таил смысл всего от девочки и, ведя себя преступником, заставлял ее полагать в этом кровотоке какое-то тошнотворное, гнусное зло <...>. Поднявшаяся кутерьма ушла в глухоту чернотурных шкур...» [Пастернак 2003–2005, III, 39]. Мотив «шкур» и «белой медведицы», а также «кошки» и «хризантемы» рассматривается Фарыно как знак «женского начала» [Фарыно 1993, 63].

При виде крови необъяснимым образом в памяти словно оживает история грехопадения человечества. Первое кровотоке напоминает о библейском грехе и собственной виновности: «Женя расплакалась <...> от того, что, чувствуя себя неповинною в том, в чем ее подозревала французенка, знала за собой что-то такое, что было – она это *чувствовала* – куда сквернее ее подозрений» (курсив автора. – Б.П.) [Пастернак 2003–2005, III, 39]. Вскоре гувернантка была «разочтена за нерадение» [Пастернак 2003–2005, III, 41]; шкуры убраны на лето. Вяч.Вс. Иванов отмечал, что «и в прозе, и в стихах детство связывается с медвежьими чучелами как образами страха. Но вокруг чучела и начинаются все те трудности и путаница при необходимости различения мужского и женского родов...» [Иванов 2015, 291]. В дальнейшем вид луж, темных дорожных ям, свинцовых туч, напоминающих по форме и цвету шкуру медведя, будет вызывать у девочки в памяти историю с французенкой и, как следствие, тревогу и недоумение. Тема стыда занимает одно из центральных мест в современных гендерных исследованиях. Чувство стыда как проявление человеческой ранимости, уязвимости является чертой фемининной [см.: Thorgeirsdottir 2020, 5–6].

Кроме того, в повести обнаруживаются все «атрибуты гендерной деятельности»: помимо стыда к другим традиционным образам феминности относится постижение Женей смысла слов «мама беременна». Между мамой и дворничихой Аксиньей ей видится «какое-то неуследимое сходство» [Пастернак 2003–2005, III, 56], а мамин «новый шелковый капот без кушака» напоминает корабль. Важно заметить, что беременность и рождение ребенка в прозе Пастернака связаны с мотивом «корабля». В романе «Доктор Живаго» словно «только что причаленная и разгруженная барка, совершающая переходы через море смерти к материке жизни с новыми душами, переселяющимися сюда неведомо откуда» [Пастернак 2003–2005, IV, 105] возвышалась посреди палаты родившая сына Тоня. В этом сопоставлении нашло отражение архаичное представление, согласно которому ладья отождествлялась с чревом, куда все уходит и откуда берет начало (о мифопоэтике романа см.: [Поэтика «Доктора Живаго» 2014]; подробнее о генезисе других женских образов: [Буров 2011]).

По замечанию Вяч.Вс. Иванова, «главное, что просыпается в это переломное время в Жене Люверс, когда в ней девушка-Инфанта выпархивает из девочки. В ней пробуждается главное, что и отличает человека от животного, – представление о Другом, ей равном человеке...» [Иванов 2015, 277]. Эта мысль находит развитие в другой статье ученого: Пастернак, как и молодой Бахтин, испытал влияние взглядов главы Марбургской философской школы Г. Когена на Ближнего и Другого, которые нашли отраже-

ние не только в «Детстве Люверс», но и в наброске, не опубликованном при жизни Пастернака, «Фантазии “Поэма о ближнем”» (1916/17). Пастернак показывает процесс самосознания как переживание человеком себя как представителя определенного пола, в результате чего дает целостное представление об окружающей действительности. Анализируя фабулу повести, И.В. Кузнецов и С.В. Ляляев приходят к такому же выводу: «через подробное и настоящее описание частных и деталей, из которых косвенным путем собирается образ целого мира, и в том числе действия» [Кузнецов, Ляляев 2020, 91]. При этом исследователи неоднократно писали о «женственной» природе эмоциональности Пастернака, подчиненности, зависимости от мира, опираясь на высказывания самого поэта в стихах, автобиографической прозе, письмах, находя отголоски в прозе. О жалости к женщине в неопубликованных при жизни Пастернака стихах от лица женщины писал Вяч.Вс. Иванов:

И так как с малых детских лет
Я ранен женской долей,
И след поэта – только след
Ее путей, не боле,
И так как я лишь ей задет...
[цит. по: Иванов 2015, 276].

О «пугающей до замирания жалости к женщине» писал сам Пастернак в «Людях и положениях» [Пастернак 2003–2005, III, 296]. В «Охранной грамоте» он упоминал об увиденном в Зоологическом саду весной 1901 г. отряде дагомейских амазонок. «Как первое ощущение женщины связалось у меня, – писал Пастернак, – с ощущением обнаженного строя, сомкнутого страдания, тропического парада под барабан» [Пастернак 2003–2005, III, 149]. Важным в понимании фемининности Пастернаком является письмо к Н.А. Табидзе от 30 сентября 1953 г.:

Я с детства питал робкое благоговение перед женщиной, я на всю жизнь остался надломленным и ошеломленным ее красотой, ее местом в жизни, жалостью к ней и страхом перед ней. Я реалист, до тонкости знающий землю, не потому, что я по-донжуански часто и много развлекался с женщиной на земле, но потому что с детства убирал с земли камушки из-под ее ног на ее дороге. Немногие, имевшие со мною дело, – великодушные мученицы, так несносен и неинтересен я “как мужчина”, так часто бываю непоправимо и необъяснимо слаб, так до сих пор не знаю себя и ничего не знаю с этой стороны. Может быть, трогает их то, что издали, издали дотащилось все же до них это с детства им посвященное и с детства болью за них поколебленное, надорванное существование, по дороге еще разбитое высокою войной, которую оно за них вело. И может быть трогает их эта, всегда близкая женщине по воспоминаниям ее собственного детства, странная, столькое в жизни охватившая и все же до сих пор оставшаяся чистота [Пастернак 2003–2005, IX, 749].

О дуализме женской природы в романе «Доктор Живаго» Ларе говорит Юрий: «Человеческая, в особенности женская природа так темна и противоречива! – говорит он Ларе, – Каким-то уголком своего отвращения ты, может быть, в большем подчинении у него, чем у кого бы то ни было другого, кого ты любишь по доброй воле, без принуждения» [Пастернак 2003–2005, IV, 398].

Необходимо заметить, что в западной гендеристике большое внимание уделяется содержанию понятия «женщина». С. Хаслангер дает определение женщины как субъекта, «зависящего в обществе от своих осознаваемых или воображаемых женских репродуктивных способностей» (“subordinated in a society due to their perceived or imagined female reproductive capacities”) [Haslanger 2012, 8]. По мнению другого исследователя, С.Дж. Брайсона, «точное определение» женщины – «человек с известного рода физиологией» (“A positive definition of “woman”? Woman is a human being with a certain physiology...”) [Brison 2003, 192]. При этом именно в англоязычных гендерных исследованиях существует необходимость развести понятия ‘woman’ («женщина»), ‘girl’ («девочка»), ‘adult human female’ («взрослая особь женского пола»), ‘female human being’ («человек женского пола») [см.: Вурне 2020].

«Это мучение за женщину, раненность женской долей, – по признанию Вяч.Вс. Иванова, – пропитывает “Детство Люверс” и “эстафетой лирической истины”, о которой Пастернак писал в “Охранной грамоте”, передается дальше – к тому месту в “Живаго”, где Юре хочется в Варыкине защитит как от темной силы – змия-дракона – свою любовь, и вплоть до самых поздних стихов (“Женщины в детстве”) и пьесы» [Иванов 2015, 113–114]. Жалость к женщине, наполняющая всю биографию и творчество Пастернака, вероятно, определила восприятие его жизни и поэзии юной Е. Берковской, мемуары которой пронизывает «“пастернаковская” атмосфера» [Гачева 2015, 215]. Причина такой отзывчивости поэта кроется, вероятно, в детстве и самых ранних переживаниях, о которых Пастернак писал в автобиографической прозе «Люди и положения»: «Я подозревал вокруг себя всевозможные тайны и обманы. Не было бессмыслицы, в которую я бы не поверил.

То на заре жизни, когда только и возможны такие нелепости, может быть, по воспоминаниям о первых сарафанчиках, в которые меня наряжали еще раньше, мне мерещилось, что когда-то в прежние времена я был девочкой и что эту более обаятельную и прелестную сущность надо вернуть, перетягиваясь поясом до обморока» [Пастернак 2003–2005, III, 306]. Желание познать Другого и, в частности, гендерную картину мира иного пола, испытанное в детстве, нашло отражение и в повести «Детство Люверс» и в романе «Юрий Живаго».

ЛИТЕРАТУРА

1. Булычев И.И. О содержании ключевых понятий гендеристики // Вестник ИГЭУ. Вып. 2. 2005. С. 1–5.
2. Буров С.Г. Игра смыслов у Пастернака. М.: Азбуковник, 2011.
3. Гачева А.Г. Пастернаковский след в воспоминаниях Елены Берковской «Судьбы скрещенья» // Пастернаковские чтения. Исследования и материалы. Вып. 3. М.: Азбуковник, 2015. С. 215–225.
4. Горелик Л.Л. Ранняя проза Пастернака: Миф о творении. Смоленск: СГПУ, 2000.
5. Иванов Вяч.Вс. Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Азбуковник, 2015.
6. Клинг О.А. Борис Пастернак и символизм // Вопросы литературы. 2002. № 2. С. 25–59.
7. Кузмин М. Условности. Статьи об искусстве. Томск: Водолей, 1996.
8. Кузнецов И.В., Ляляев С.В. Проза Бориса Пастернака: мир, образ, текст. Новосибирск: НГТИ, 2020.
9. Ожигова Л.Н. Исследование гендерной идентичности гендерных стереотипов личности // Практикум по гендерной психологии. СПб.: Питер, 2003. URL: <http://pedlib.ru/Books/3/0428/>
10. Окутюрье М. Пол и «пошлость»: Тема пола у Пастернака // Пастернаковские чтения. Вып. 2. М.: Наследие, 1998. С. 71–81.
11. Пастернак Б. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово, 2003–2005.
12. Пастернак: проблемы биографии и творчества. К 60-летию Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2020.
13. Пастернаковский сборник – III. Статьи, публикации, воспоминания. М.: Литературный музей, 2020.
14. Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении / под ред. В.И. Тюпы. М.: Intrada, 2014.
15. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6 С. 76–86.
16. Резвый В.А. «Фальсификация Шекспира»: неизданная статья Георгия Шенгели о переводах Бориса Пастернака // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 3. С. 300–333.
17. Фарыно Е. Белая медведица, ольха, мотовилиха и хромой из господ. Архипоэтика «Детства Люверс» Бориса Пастернака. Stockholm: Stockholms universitet, 1993.
18. Флейшман Л.С. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб.: Академический проект, 2003.
19. Хан А. От повести «Детство Люверс» до романа «Доктор Живаго» // Пастернаковский сборник – III. Статьи, публикации, воспоминания. М.: Литературный музей, 2020. С. 5–33.
20. Шабурова О.В. Гендер // Социальная философия: Словарь. М.: Академический проект, 2003. С. 67–71.
21. Brison S.J. Beauvoir and Feminism: Interview and Reflections. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

22. Byrne A. Are Women Adult Human Females? // *Philosophical Studies*. 2020. № 177. P. 3783–3803.

23. Haslanger S. *Resisting Reality: Social Construction and Social Critique*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

24. Thorgeirsdottir S. Shame, Vulnerability and Philosophical Thinking // *Sophia*. 2020. № 59. P. 5–17.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Bulychev I.I. O sodержanii klyuchevykh ponyatiy genderistiki [On the Content of Key Concepts of Gender]. *Vestnik IGEU*, 2005, no. 2, pp. 1–5. (In Russian).

2. Byrne A. Are Women Adult Human females? *Philosophical Studies*, 2020, no. 177, pp. 3783–3803. (In English).

3. Kling O.A. Boris Pasternak i simbolizm [Boris Pasternak and Symbolism]. *Voprosy literatury*, 2002, no. 2, pp. 25–59. (In Russian).

4. Pushkareva N.L. Gendernyye issledovaniya: rozhdeniye, stanovleniye, metody i perspektivy [Gender Studies: Birth, Formation, Methods and Prospects]. *Voprosy Istori*, 1998, no. 6, pp. 76–86. (In Russian).

5. Rezvyi V.A. “Fal’sifikatsiya Shekspira”: neizdannaya stat’ya Georgiya Shengeli o perevodakh Borisa Pasternaka [“Falsification of Shakespeare”: an Unpublished Article by Georgy Shengeli about Boris Pasternak’s Translations]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no. 3, pp. 300–333. (In Russian).

6. Thorgeirsdottir S. Shame, Vulnerability and Philosophical Thinking. *Sophia*, 2020, no. 59, pp. 5–17. (In English).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Aucouturier M. Pol i “poshlost’”: Tema pola u Pasternaka [Gender and “Vulgarity”: Pasternak’s Theme of Sex]. *Pasternakovskiy chteniya* [Pasternak’s Readings]. Vol. 2. Moscow, Naslediye Publ., 1998, pp. 71–81. (In Russian).

8. Gacheva A.G. Pasternakovskiy sled v vospominaniyakh Eleny Berkovskoy “Sud’by skreshchen’ya” [Pasternak’s trace in the memoirs of Elena Berkovskaya “The Fate of Crossing”]. *Pasternakovskiy chteniya. Issledovaniya i materialy* [Pasternak Readings. Research and materials]. Vol. 3. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015, pp. 215–225. (In Russian).

9. Khan A. Ot povesti “Detstvo Lyuvers” do romana “Doktor Zhivago” [From the Story “Luver’s Childhood” to the Novel “Doctor Zhivago”]. *Pasternakovskiy sbornik – III. Stat’i, publikatsii, vospominaniya* [Pasternak’s Collection – III. Articles, Publications, Memories]. Moscow, Literaturnyy muzey Publ., 2020, pp. 5–33. (In Russian).

10. Ozhigova L.N. Issledovaniye gendernoy identichnosti gendernykh stereotipov lichnosti [Study of Gender Identity, Gender Stereotypes of Personality]. *Praktikum po gendernoy psikhologii* [Workshop on Gender Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. URL: <http://pedlib.ru/Books/3/0428/> (In Russian).

11. *Pasternak: problemy biografii i tvorchestva. K 60-letiyu Nobelevskoy premii* [Pasternak: Problems of Biography and Creativity. To the 60th Anniversary of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2020. (In Russian).

12. *Pasternakovskiy sbornik – III. Stat'i, publikatsii, vospominaniya* [Pasternak's Collection – III. Articles, Publications, Memories]. Moscow, Literaturnyy muzey Publ., 2020. (In Russian).

13. Shaburova O.V. Gender [Gender]. *Sotsial'naya filosofiya: Slovar'* [Social Philosophy: Dictionary]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2003, pp. 67–71. (In Russian).

(Monographs)

14. Brison S.J. *Beauvoir and Feminism: Interview and Reflections*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. (In English).

15. Burov S.G. *Igra smyslov u Pasternaka* [The Game of Meanings in Pasternak's Works]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. (In Russian).

16. Faryno E. *Belaya medveditsa, ol'kha, motovilikha i khromoy iz gospod. Arkhi-poetika «Detstva Lyuvers» Borisa Pasternaka* [Polar Bear, Alder, Reel and Lame of the Gentlemen. Archepoetics of "Lover's Childhood" by Boris Pasternak]. Stockholm, Stockholms universitet Publ., 1993. (In Russian).

17. Fleyshman L.S. *Boris Pasternak v dvadtsatyye gody* [Boris Pasternak in the Twenties]. Saint Petersburg, Akademicheskii proyekt Publ., 2003. (In Russian).

18. Gorelik L.L. *Rannyyaya proza Pasternaka: Mif o tvoreнии* [Pasternak's Early Prose: The Myth of Creation]. Smolensk, Smolensk State Pedagogical University Publ., 2000. (In Russian).

19. Haslanger S. *Resisting Reality: Social Construction and Social Critique*. Oxford, Oxford University Press, 2012. (In English).

20. Ivanov Vyach.Vs. *Pasternak. Vospominaniya. Issledovaniya. Stat'i* [Pasternak. Memories. Research. Articles]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015. (In Russian).

21. Kuzmin M. *Uslovnosti. Stat'i ob iskusstve* [Conventions. Articles about art]. Tomsk, Vodoley Publ., 1996. (In Russian).

22. Kuznetsov I.V., Lyalyaev S.V. *Proza Borisa Pasternaka: mir, obraz, tekst* [Prose of Boris Pasternak: World, Image, Text]. Novosibirsk, NGTI Publ., 2020. (In Russian).

23. *Tyupa V.I. (ed.). Poetika "Doktora Zhivago" v narratologicheskom prochtenii* [Poetics of "Doctor Zhivago" in a Narratological Reading]. Moscow, Intrada Publ., 2014. (In Russian).

Акимова Анна Сергеевна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Научные интересы: творчество Б.Л. Пастернака, гендерная картина мира, история литературы, текстология.

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0732-1854

Anna S. Akimova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Candidate of Philology, Senior Researcher. Research interests: the works of Boris Pasternak, gender view of the world, the history of literature, textology.

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0732-1854